16+

С четырнадцатым, принцесса!

Евгения Хамуляк

Евгения Ивановна Хамуляк

С четырнадцатым, принцесса!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63682407
SelfPub; 2021

Аннотация

Дорогие друзья! Это выдуманная история с первой до последней буквы, но когда вы приметесь ее читать, то вам покажется, что она реальная и могла произойти с кем угодно. В любом случае, не идите по стопам главной героини и не экспериментируйте с собой и своим сознанием. Хотя, если с вами случилась истинная любовь? То можно пойти на любые риски, даже вернуться в прошлое и узнать почему все так, а не эдак. Именно так поступила главная героия Емилия Золушкина.

Рассказ издан в книге "СЧАСТырнадцатым" ко дню всех влюбленных.

Евгения Хамуляк
С четырнадцатым, принцесса!

Емилия потрогала воспаленные глаза, которые видели реальность через розовую опухлость, вызванную не влюбленностью, хотя и ею тоже, но бездумьем и алкоголем, хотя на последний у Емилии имелась полнейшая непереносимость. Поэтому розовая реальность вовсе не была такой уж радужной и прекрасной, как трубили везде и всюду всякие-разные-поперечные. Мир выглядел странно, особенно экран телефона, куда то и дело впечатывала свою фамилию Емилия, каждый раз с ошибками, потому что пальцы девушки, как и глаза и весь организм не реагировали на розовую реальность адекватно и правильно, поэтому тыкались в другие кнопки, и процесс поиска ответа тормозил.

А фамилия была знатная – Золушкина. Мама и папа, Галина и Сергей Золушкины, чтоб быть оригинальными, решили назвать свою единственную дочку не как-нибудь помещански, Ленками-пенками, а под стать фамилии – Емилией Золушкиной. Чтоб взросла не обыкновенность, а настоящая принцесса. Проблема обнаружилась позже. Дело было в том, что принцесса и в самом деле взросла.

Емилия, любимица судьбы, родилась и росла такой красивой, такой лилипусенькой, такой милашечкой, раскрасавицей, умницей, отличницей, рукодельницей, что все вокруг пророчили ей будущее точно принцессовское. Хотя в России всех царей и заодно их потомков, причем по всем ветвям Романовых и Рюриковичей, красный террор ликвидировал еще сто пятьдесят лет назад. Таким образом, шанс выйти за отечественных принцев отпадал, только могли остаться надежды на близлежащие королевства: Испанию, Таиланд и Англию, ну и мелкие королевские дома в Африке. Но об этом патриотично-настроенные родители даже не рассуждали, вкладывая все силы и средства в таланты девочки, которая должна была блистать звездой на родине.

И в самом деле, куда бы Емилия ни пошла, всюду находила признание: пела, танцевала, рисовала, прыгала, бегала как принцесса. И все получалось настолько великолепно и чудесно, как и должно у принцесс, что в результате Емилия, поблестев звездочкой чуть-чуть то там, то сям, не сделалась ни балериной, ни гимнасткой, ни певицей, ни мастерицей.

А с совершеннолетием на голову отличницы обрушились серые, совсем не принцессовские будни, где не нужно было прыгать, бегать, петь, танцевать. Будням нужны были будничные люди, а не Золушкины Емилии Сергеевны. Но ни родители, ни Емилия не расстраивались и даже попытались вклиниться в этот мир с должностными обязанностями, премиями, выговорами, выходными, корпоративами. Но в душе

сохранили мечту, что девушка однажды-таки встретит настоящего принца и заживет настоящей принцессовской жизнью, куда затянет и родителей, так желавших ей сказочного добра.

Емилия пошла на «финансы и кредит» в надежде найти того, кому надо будет считать финансы и кредиты, затем успешно закончила этот ВУЗ, потом довольно-таки успешно устроилась на одно крупное предприятие, смело пошла по карьерной лестнице, по ходу успевая заводить дружбу, летать в отпуска, гулять на свадьбах друзей и подруг, при этом оставаясь исключительно одинокой девственницей. Девственницей-принцессой! Как это ужасно звучало в век новаторской индустрии, полетов в космос, биткойнов и беспроводного интернета!

Не то чтоб никто не покушался на такую красоту. Внутренняя составляющая Емилии очень хорошо проявлялась во внешней: длинная русая коса до поясницы, чудесная пышная челка по самые проникновенные голубые глаза, милые розовые губки, высокая лебяжья шея, твердая грудь под идеально выглаженными рубашками замфиндира в ее тридцать два. Такую мамзель мечтали видеть в покоях не только цари с королями, шейхи и падишахи, но генеральные директора с инвесторами и спонсорами, а также рыбы помельче: все свободные и несвободные таксисты, машинисты, бармены, повара… Короче, Емилия Золушкина имела веер предложений, но… и тут она опять пьяными пальцами попыта-

лась набрать на клавиатуре телефона свою фамилию… Чертыхнувшись и проклиная создателей гнилого яблока, как известно, проверяющих свои технологии сначала на умственно отсталых людях, а потом только продающих надкушенную коммерческую продукцию обычным пользователям, Емилия с седьмой попытки узнала, что ее фамилия происходит из древнего рода…

Фамилия Золушкин берет начало из Буй (Костромская область). В реестре города Любеч – фонарщик Севастьян Золушкин (1478). Латинщей – Zolushkin или прозвище Золушкин, а национальность японец в 17% случаев.

— Вот! – подумала Емилия, по милому лицу которой потекли горькие слезы. – Никакая я не принцесса, а простая японка из Буя. Даже чуда нормального удержать не смогла. Руки не из того места растут, – она посмотрела на свои красивые женственные руки, умеющие и финансы считать, и шарлотку за полчаса заделать, и на пианино «к Элизе» сыграть, и шить, и вязать, а если надо, то и на машинке… И совсем разревелась, слезы закапали на непромокаемый экран и совсем затмили розовую опухлую реальность.

Емилия, конечно же, была пьяна и поэтому несла всякую белиберду. Но белиберда являлась белибердой, только если не знать событий этого большого, если не сказать грандиозного, для каждой одинокой девушки дня. Четырнадцатого февраля!

Все началось год назад, когда подруга Емилии Лена Плотникова, еще одна одинокая принцесса, пошла на четырнадцатое февраля в клуб знакомств «Ищу тебя», который арендовал именно в этот день ресторан «Золотой куш» для пересечения одиноких сердец. Клуб пользовался такой большой популярностью, славой и уважением, что записаться на эти встречи являлось непосильной задачей. Нужно было ждать несколько месяцев или даже год, как в случае Емилии, которая еще год назад оплатила участие в мероприятии после того, как Лена нашла замечательного Валеру и тут же выскочила за него замуж, став самой счастливой женщиной на свете, а вскорости и мамой.

Емилия очень радовалась за подругу, решив последовать ее примеру и таким образом через клуб знакомств покончить с надоевшими одиночеством и девственностью. Ведь раз получилось у одной – получится и у другой.

Оплатив участие, Емилия в душе, конечно же, надеялась пораньше отыскать если не принца, то свою любовь. Однако чуда не произошло. Вадик, Олег, Эдуард и Иннокентий с Жоржем… все они были хорошими людьми, но не ее принцами. И даже не хочется терять время на перечисление недостатков и прочих несуразностей этих нечаянно встреченных чужих принцев за этот год.

Наступил День святого Валентина, в которого никто не верил, но все дарили друг другу сердечки, цветы и конфеты,

и Емилия была преисполнена ожиданием чуда, потому что получила знаки свыше, что чудо-таки произойдет.

Во-первых, праздник выпадал на субботу – это уже было прекрасным предзнаменованием, не надо было на следующий же день мчаться на работу. Во-вторых, Николя, ее бессменный мастер по тонким, натуральным, будто выгоревшим прямо сейчас на февральском солнышке в предчувствии весны мелированным прядям, умудрился так промелировать ее светлую голову, что получилась легкая корона вокруг головы. Николя, правда, чуть не свалился в обморок от своего же мастерства и уже ринулся закрашивать прорехи, но его остановила восхищенная Емилия, с улыбкой заметив сходство с принцессовской короной, о которой так мечтали родители и она сама.

Надя, мастер по маникюру, перепутав изображения милой мордочки панды, которую выбрала девушка по цвету к черно-белому платью, которое собиралась надеть на вечер знакомств, украсила ногти Емилии узором с золотыми коронами с бриллиантами. Девушка и тут решила не поднимать шума. Все шло по плану. Невидимая рука волшебной феи направляла и умелые руки Николя, и цепкие Надины, вырисовывая золотую дорожку к счастью.

Когда часом позже Емилия, прикупив новое золоченое платье к коронам на ногтях и золотые сапожки (все-таки за окном стоял февраль!), сломала каблук, решив тут же надеть эту невообразимую красоту, магазин поменял ей обувь бес-

платно и даже вызвал такси до дома за счет заведения. И приехала не обычная желтая развалюха, а по акции часа белокожий «мерседес». Емилия только успевала по телефону ахать и охать и вводить в состояние ража и легкой зависти любимых замужних подруг, давно не испытывавших все эти охи и ахи от предвкушения чуда.

И чудо не подвело! Емилия по-царски зашла в зал «Золотого куша» с легким свечением вокруг головы и тут же увидела его! Мишу, который хоть и был не в золотом, а в обычной серой водолазке, но почему-то засиял в глазах Емилии золотым и заодно бриллиантовым. Это была любовь с первого взгляда! Ничем логическим, конкретным объяснить это мимолетное, мгновенно прилипшее к сердцу чувство было нельзя. Возможно, сыграло ожидание чуда. Но парень показался девушке чудом из чудес, принцем этого дня, хотя вовсе не выглядел по-принцевски, да и фамилией Бровкин тоже не выпадал в короли. Вот если б Потемкин-Таврический или Римский-Корсаков…

Миша попал в клуб знакомств случайно. Его затащила коллега по работе, у которой завалялось одно приглашение, дающее 50% скидки на меню ресторана, присовокупив, что такой классный парень (а в издательстве, где, как водится, почти всегда женский коллектив, снабженца называли не иначе как «принцем») не должен пропадать 14 февраля. А на

самом деле она прихватила его за компанию, потому что боялась посещать подобные мероприятия одна. Поэтому сразу после работы в чем был, голодный и действительно одинокий Миша пришел и занял первый попавшийся столик, успев заказать бутерброд и черный чай с бергамотом со скидкой.

Для Емилии, узнавшей позже все детали дела, случайности были неважны. Ибо знает всяк, что случайность – второе имя Всевышнего.

В тот миг она думала сердцем, не головой и прошлась как бы мимо его столика той походкой, перед которой на дыбах в пыли дорог останавливается табун ретивых лошадей. Миша, как тот конь из табуна, не стал играть со случаем и сразу пригласил Емилию за свой столик, хотя это было против правил клуба, где мужчинам нужно было сначала рассесться на стулья и потом уже по звонку пересаживаться от столика к столику, где посиживали дамы. Емилия и Миша пропускали звонки, и он отгонял от занятого столика своей дамы, словно назойливых мух, других ищущих любви мужского пола. Ищущие возмущались, глядя на русую челку в золотом с милыми пухлыми губками, и ходили жаловаться администрации, но ничего не помогало. Миша отказывался пересаживаться и оставлять Емилию хоть одну, хоть с другими, да хоть с нарядом полиции. Вид у Миши хоть и был не принцевский, но немного богатырский, особенно по бокам водолазки, и когда он один раз поднялся на особо ищущего лы-

сого «принца», – внизу по синим джинсам пробежала спортивная мышечная волна. Можно было нарваться на проблемы с человеком, уважающим реальный мужской труд снабженца, а не блестящие гирьки в спортзале, куда хаживали девушки и недевушки, пока настоящие мужики впахивали и поднимали экономику родной страны.

– Ты настоящая принцесса, – произнес Миша и зарделся, узнав, как зовут девушку в золотом.

– Почему? – спросила Емилия и тоже покрылась румянцем: ей было приятно, что вот так сразу Миша раскрыл ее карты.

– Ну, имя и… и у тебя корона вокруг головы, – он покрутил пальцем вокруг своей головы.

– Ты будешь смеяться, но у меня и фамилия принцессовская, – не выдержала Емилия.

Миша примолк, ибо в этот раз Емилия раскрыла его карты.

В душе у него боролись разные чувства, и все это отображалось почему-то на бровях. Они ходили ходуном, подпрыгивали и разлетались змейками в разные стороны. А все потому, что он так устал от не принцесс, что на Новый год, расставшись с одной такой не принцессой, которая мечтала выйти замуж за олигарха-короля или в крайнем случае падишаха-гендиректора, под образы которых Миша с его зэпэ никак не подпадал, сам загадал Дедушке Морозу встретить настоящую принцессу. А настоящие принцессы, как водит-

ся, это прекрасные, честные, добрые девушки, у которых на уме не бриллианты с шубами и яхтами, заснятыми последней версией телефона, а те, с которыми легко и просто, и весело вместе идти дорогой этой жизни, какие бы булыжники или бриллианты та ни готовила.

Емилия со своей челкой в красивом платье являла собой облик той самой принцессы.

Они проговорили весь вечер: вроде обо всем, а вроде ни о чем. Легко и весело, как в его сбывшейся новогодней мечте. Под конец мероприятия, пролетевшего, будто за миг, он написал свой телефон на листе блокнота, специально прикрепленного на столике для этих случаев, когда паре хотелось бы продолжить общение, и предложил ее проводить до дома. Емилия отказалась. Сама не зная почему. Ей хотелось заморозить этот миг, миг первого знакомства и влюбленности, чтоб он не перешел в другую стадию, не менее сладкую, но все же другую. Тогда Миша проводил девушку до такси и, когда машина тронулась, сердечно замахал ей вслед, будто она уезжала навсегда, и они никогда больше не увидятся.

Что, собственно, и произошло.

Придя домой, раздевшись, наглядевшись на звездное февральское небо в окно, Емилия решила перед сном полюбоваться на листок с телефоном Миши: на его почерк, нажим, наклон… Она была уверена, что прочтет там нечто глу-

бинное, только ей понятное… Но листка нигде не было. Девушка перевернула все вверх дном, покопалась в сумке до самого дна, прочесала всю дорогу, проделанную от такси до дома, даже распорола меховое пальто: вдруг бумажка завалилась в невидимую дырку… Но бумажки с телефоном нигде не было… Когда наступила стадия «полного отчаяния», а за ней «отрицания» и «изнеможения», Емилия зачем-то выпила большую рюмку водки, которую хранила в доме на случай порезов и ран. Водка стояла в шкафу сто лет, и Емилия всегда думала, что та давно выдохлась, но нет, качество отечественного производителя подтверждали года и быстрое опьянение, точнее аллергия в виде опухания век, от чего мир вдруг засветился розовым, как и положено видеть его всем влюбленным.

Емилия не могла простить себе потерю телефона Миши, и пыталась обратиться к своей памяти, которая терялась посекундно от непереносимости водки организмом, но тужилась припомнить какую-то деталь, по которой с помощью современных технологий можно было б найти неизвестного знакомца в гигантском мегаполисе.

Но когда пальцы еще слушались и теплилась надежда, первонабранные ФИ принца в поисковой паучьей сети обозначили полное отчаяние ситуации: Миш Бровкиных оказалось в мире столько, что только одними ими можно было заселить мегаполис. Сотни, тысячи Миш Бровкиных смотрели в течение часа на пьянеющую и теряющую надежду Емилию

Золушкину – японку в древних корнях и абсолютную дуру и неумеху, которая даже листок бумаги не может сохранить, не то, что удержать чудо и любовь.

Нет, Миша не говорил, кто он, что он, где его искать. Хуже всего было то, что она не дала себя проводить, а значит, начисто отрезала и эту дорожку к себе. И даже о, дура! Не назвала своей волшебной фамилии, только подала намек на «принцессовость», будь она не ладна! Скорее всего, Миша будет искать ее (если будет конечно!) по фамилии Королева или Принцессова или еще какой-нибудь… А значит, они не увидятся никогда. Ведь и в клуб знакомств он заглянул случайно по его словам, а значит, секретарь его не зарегистрировала. И здесь концы обрубались. Своего телефона Емилия не оставила, как-то было неловко писать свой, когда в руках она держала Мишин и их разделял только ее звонок и пара гудков в трубке.

Шел второй час ночи. Мозг кипел, но руки теряли координацию и с седьмого раза набрали слово «проклятье» в сети пауков, и тогда Емилия узнала, что на ней лежит как минимум три проклятия: на безбрачие, – это было ясно как белый день, на неудачу – это тоже черным по белому читалось, наконец, постоянная подверженность случайностям, року судьбы, а по-русски говоря, прокляти на дурость.

Всем трем обязательно надо было проявиться сегодня 14 февраля, в День всех влюбленных, и в день, когда она влю-

билась без памяти и встретила любовь всей своей жизни.

В третий час ночи, когда глаза и руки отказывали Емилии в сервисе, но голова продолжала работать на чистой упертости, она еле-еле набрала на клавиатуре гаснущего, тоже уставшего телефона «как снять проклятие» и наткнулась на первое же попавшееся предложение по этому поводу – вернуться в прошлое и все исправить.

Это было гениально! Это была идея!

В прошлом ждало спасение! И называлось все просто и понятно «регрессивный гипноз». Емилия, забывая про проклятия, готова была погрузиться в анналы своей пьяной памяти прямо сейчас, чтобы бестолковая, девичья, куриная память, куда словно в глубокий колодец канули цифры, записанные мужественной рукой Миши, всплыли перед глазами, как лист перед травой. Но во-первых, гипнотизеры, как и другие нормальные люди, спали ночью. Во-вторых, засыпала и Емилия, упав на свои непослушные руки непослушной головой, в которой упрямо застряла идея вернуться в прошлое, буквально в вечер этого четырнадцатого по счету дня февраля, и проследить за Мишиной рукой, которая выводила заветные цифры.

Слава Богу, в мегаполисе в воскресенье работали не только кафешки, аптеки, транспорт, но и гипнотизеры.

Наведавшись за спасительным кофе в кафешку, потом в

аптеку за не менее спасительным, постпохмельным и антиаллергенным, потом сев в такси, Емилия направилась к неспящему в это раннее утро гипнотизеру, которого она нашла в паучьей сети первым.

Виктор Борисович производил правильное впечатление для гипнотизера. Очень-очень-очень странный тип. Описывать его было бесполезно, ибо все в нем было странным: от черного пиджака а-ля Муэрте до усиков Дали и горящего взгляда, а еще на пол-лица разлившееся родимое пятно, сросшиеся брови Фриды Кало, огромная бородавка на носу.

– Моя задача, – сразу обозначила Емилия, стараясь абстрагироваться от вида Виктора Борисовича, – вернуться во вчерашний день, точнее, вечер, и вспомнить очень важную деталь – цифры телефона одного молодого человека, который оставил мне их… Он сам их мне написал, – стала путаться Емилия, которая не хотела показаться очень легкомысленной, и в то же время волновавшейся за исполнение задачи.

– Не беспокойтесь, – уверил ее горящий взгляд с бровями.

– А есть побочные эффекты у регрессивного гипноза? – вдруг вспомнила Емилия, поднявшись с кушетки, куда ее уложил Виктор Борисович, отправляясь за причиндалами для гипноза.

– Сознание – штука непознанная. Бывает разное, – философски отчал Виктор Борисович, но увидев ошарашенную

клиентку, готовую к побегу, заверил, – но все всегда оставались живы. И задачи были выполнены.

Это внушало надежду. Емилия опять улеглась и тяжело вздохнула. Любовь требует риска и жертв. У всех принцесс было так. Видимо и ее, пусть и ненастоящую принцессу, эта участь не миновала. Она все же сложила руки домиком и обратилась к потолку, за которым прятались высшие силы, с просьбой, чтобы эта бредовая идея с путешествием в прошлое закончилась хорошо или хотя бы никак. Ну с чем пришла – с тем ушла.

– Мне только цифры и назад, – еще раз попросила Емилия, и красивые часы с золотой оправой и острыми стрелками замигали перед глазами. Виктор Борисович запел бархатным голосом, который завораживал, раскрепощал и заставлял расслабиться и поверить ему, забывая про часы и про самого Виктора Борисовича. Только его голос. И про часы. И только про его голос… и про голос. Голос.

Голос звал Емилию, она поддавалась ему, потому что это было так естественно идти за ним… Они вышли с голосом в эту февральскую стужу, из которой она только что появилась, где прожила тридцать с хвостиком лет и так и не смогла найти пару. Даже не могла улечься в постель с нелюбимым человеком. Все рассказы о том, что секс полезен для женско-

го здоровья, вызывали рвотные позывы у Емилии, не представляющей, как мужской орган влияет на иммунитет или, скажем, на осанку. Когда ее подруги или знакомые заводили подобные разговоры, что сексом надо заниматься минимум два раза в неделю от тридцати до сорока пяти минут, – ей почему-то явственно представлялось, что все они имели в виду кофейные клизмы два раза в неделю… Потому что предмет разговора, то есть секс, под которым подразумевалась любовь, ускользал, оставались клизмы, полезные для здоровья…

– Уж лучше клизмы, – думала Емилия, чем секс с нелюбимым мужчиной, от вида которого не заводятся бабочки в животе, воздух не становится бирюзовым, не цветут лианы и время становится тягучим как карамель.., или хотя бы не появляются газы… А только сильное желание с кем-то съехаться, чтоб легче было переносить эту реальность с буднями, выходными, кредитами, поездками, насморками и ремонтами. И в первый же раз, когда бабочки залетали у нее по всему телу, смешно щекоча своими крылышками изнутри желудок и иммунитет, она потеряла телефон Миши… – ой, она отвлеклась… – вспомнила Емилия и побежала за голосом, который чуть вырвался вперед.

– Емилия, Емилия, направились куда? – повторил свой последний вопрос голос.

– Туда, где я была вчера, – попросила девушка.

Дороги-дороги-дороги, снег-снег-снег, здания-здания-здания. Замельтешили, как огоньки на елке.

– Вон тот переулок, – указала пальцем Емилия. Там ресторан. Золотой куш, который она отхватила и благополучно потеряла.

– Но это было вчера, – напомнила голосу Емилия.

– Я знаю, – уверил бархатный голос. – Мы и есть во вчера.

– Это хорошо, – удовлетворенно отозвалась Емилия и вошла в ресторан первая. Он был уже полон, как вчера, потому что она чуть опоздала, но даже с порога в толпе сразу же различила Мишу. Он словно золотой истукан, был покрыт золотыми пластинами с ног до головы. Но Емилию это не смущало. Для нее он был вылит из золота. Ее золотой куш. Она приблизилась и повторила все действия вчерашнего вечера, только в каком-то убыстренном ритме, но все равно приятном: невероятным было слышать, говорить, чувствовать Мишу, который тут, в гипнотическом, почти реальном сне Виктора Борисовича, казался еще только лучше. Ей даже пришло в голову изменить вчера, например, назвать свою фамилию, адрес, записать свой телефон. Но голос ласково ответил, что это невозможно.

– Ладно, – легко согласилась девушка. – Неважно, – и дождалась момента, когда Миша стал выписывать цифры своего телефона. Ей даже не пришлось перевешиваться через стол, цифры легко читались с ее места: 8 9 0 3 9 9 9 8 1 6

4 – они легко запоминались, становились родными памяти, превращались в песню.

– Мы можем идти, – сказал голос и направился к двери, так как операция была выполнена с успехом. Но Емилия продолжала сидеть на стуле и любовно смотреть на молодого человека, его лицо завораживало ее, каждая черточка на лице становилась песней, какой-то знакомой, хоть и далекой.

– Емилия, это лишнее, – у двери сказал голос.

– Я хочу знать, – настаивала девушка. – Я хочу знать, кто он?

Голос замолк. А Емилия протянула руку и дотронулась до Миши, покрытого золотыми пластинами и вдруг… провалилась в него, как в зеркало.

– Боже мой! – взмолилась девушка, оказавшись в кромешной темноте, и стала чертыхаться на свои настырность и любопытство, затащившие ее в катастрофу. И тихонечко, чуть не плача, стала взывать к голосу и просить спасти ее. Но никто не отвечал. Пока она ждала ответа, боясь шелохнуться и наделать еще больших глупостей, заметила, что темнота вокруг не такая уж кромешная, а является всего лишь внутренней стороной коробки или шкафа с тонкими расщелинами, через которые стали пробиваться солнечные лучики.

– Надо найти створки, – догадалась Емилия и стала на ощупь исследовать свою тюрьму, как вдруг двери распахнулись сами собой и все солнечные лучи, собравшись вместе,

ударили ей в лицо, от чего она на мгновенье ослепла и выпала из шкафа прямо на пушистый ковер. Ее тут же подхватили несколько рук, нежно и в то же время хватко потащив куда-то на теплое, ласковое и щекотливое, хотя и на ковре лежать тоже было неплохо.

– Принцесса! Принцесса! Принцесса! Принцесса! – разными голосами стали умолять цепкие руки… Точнее не руки, Емилия открыла глаза и увидела, что руки принадлежали четырем крепким барышням в странных неизвестной моды одеждах, которые продолжали держать ее, боясь, что она опять выдаст какой-то фортель. Емилия попыталась освободиться, ей не дали.

Стало неприятно: вроде назвали принцессой, а держали как заложницу.

Четыре незнакомых лица, кстати, весьма неприятных, с усиками, заросшими бровями, с родимым пятном и бородавками…

«Господи! Кто все эти люди? Где я?» – недоумевала Емилия, пытаясь осмотреться и понять.

Обстановка вокруг не пугала, наоборот, все было красиво, много шелка, золота, подушек, инкрустированный пол и даже гигантская клетка с огромным живым попугаем, который пялился на нее без симпатии.

– Принцесса! – наконец взмолилась та, что с усиками, – слезно просим вас не капризничать, спуститься в залу и свер-

шить ваш долг. Уже битый час вас ожидает все королевство.

– И четыре последних принца, – добавила со сросшимися бровями.

– Последних? – зачем-то переспросила Емилия, ее отпустили, и она инстинктивно стала отряхиваться от чужих рук, при этом замечая, как шикарно одета. Настоящее принцессовское платье, туфельки и даже украшения. Она покрутила руками туда-сюда, потрогала уши, в них тоже были украшения, а на голове обнаружила тонкую диадему, всю усыпанную мелкими камешками, верно, бриллиантами.

– Если сегодня наше, то есть ваше королевство не объединится с другим, завтра на него нападут враги с запада, юга и востока, – проговорила с бородавкой на носу.

Емилия была не против объединения, каждый дурак знал, что объединяться полезно и выгодно. Но в лицах девушек читалось нечто большее за сказанным, какая-то жалость и печаль по отношению к ней.

– А почему объединение отложили до последнего дня? – задала резонный вопрос Емилия, а девушки аж опешили. – Ну, говорите, не молчите, – попросила Емилия, ничего не понимая.

– Так вы сами же ж не повиновались воле родителей…

Девушки переглянулись, а потом как выдали на четыре голоса сжатый рассказ о капризной принцессе, одиноко оставшейся у власти в королевстве, которое да или да ждала катастрофа: угроза извне или изнутри, не важно. Хаос переворота или хаос от порабощения. Единственное, что могло спасти участь девушки и в ее лице королевства, – это взаимовыгодное объединение с другим королевским домом через брак.

– Но Вадимслав вам не подошел по возрасту, слишком молод и глуп. Олегсбург – по состоянию здоровья, хотя был неплох собой и даже имел средства, но пил, как свинья. Эдуардин – слишком своеволен и непредсказуем. Иннокентий с Жоржем – слабаки и к тому же различны с вами в вере, нравах и традициях, – проговорила девушка с родимым пятном на пол-лица.

– Были и другие… Валериян, Гришентаун… – стала загибать пальцы девушка с бровями.

– Не надо! – остановила ее Емилия, прозревая насчет и Олегсбурга, и Жоржастауна с Иннокентиевияна, и своего помешательства на кушетке у гипнотизера прямо здесь и сейчас.

Емилия закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, хо-

тя от страха пальцы рук ходили ходуном и заплетался язык.

Итак, что делать, если ты окончательно рехнулась и сидишь в своем сне, удивительно до мелочей напоминающем реальность, например, в шикарных покоях, думая, что являешься принцессой в королевстве, которое трещит по швам?

Девушки пытались успокоить Емилию, она попросила их оставить ее одну на пять минут. Все-таки галлюцинации мешали здраво мыслить и рассуждать. А мыслить нужно было срочно, особенно в направлении, как проснуться. Емилия пощупала шелковую подушку, отделанную парчой, и отдернула руку.

– Ну ведь как настоящая! – воскликнула она. На возглас в комнату опять влетели бровястые и усатые няньки.

– Так, девушки, резюме. Вы утверждаете, что только я могу спасти королевство, над которым нависла угроза. Спасти его легко – надо выйти замуж за подходящего королька, желательно со связями и богатством, правильно?

Девушки радостно закивали и захлопали в ладоши от такого поворота дела.

Емилии в принципе было все равно, за кого она выскочит замуж в этом сне, лишь бы это свершилось и, возможно, повлияло на конец ее сумасшествия.

– Скажите, кто из оставшихся самый богатый, влиятельный и нормальный? – спросила Емилия и дала указание готовить ее к выходу.

– Антуан, моя принцесса, – подсказала девушка с бородавкой. – Он хоть и стар, но у него есть флот и армия, и много-много связей. Наше королевство будет при немкак за каменной стеной.

– Все, без проблем. Понятно. Антуан. Я запомнила. Спускаемся вниз, – затараторила Емилия, которой на голове установили настоящий гербарий, – я выбираю Антуана. Все живы-здоровы. Мне нет смысла больше здесь находиться. Моя воспаленная психика спокойно возвращается в тело Емилии Золушкиной в XXI веке. Эпохе Водолея, – и первой рванула вперед. Но ее остановили, показывая, как нужно спускаться по регламенту: и со всех сторон их сначала обступили прислужники с корзинами, полными лепестков роз, затем чреда гренадеров, а впереди уже маячил целый оркестр, сопровождающий каждый шаг высочества чудесной музыкой. Глашатай объявил появление жемчужины королевства Золуславии, и гигантский зал, наполненный множеством людей, разодетых в пух и прах, поклонился своей повелительнице судьбы.

– Да, с принцессовством надо завязывать, – как бы в сто-

рону сама себе сказала Емилия, понимая, что переборщила с сумасшествием. – Жуманжи! – тихонечко простонала она, но и тут волшебное слово из блокбастера не подействовало: все осталось на своих местах и никуда не засосалось.

– О! – взывала Емилия.

До таких размахов ее фантазии еще не доходили. Она оглянулась на готический зал, на свисающих мраморных драконов, на гигантскую звезду, сверкающую в огромном проеме, на каждом луче красовалось ее изображение… Надо было срочно завязывать с мечтами, а то еще ощущения от нахождения здесь могут передавить воспоминания от там… передавить, захлестнуть и понравиться.

– Так, план простой, – сама себе тихонечко бубнила принцесса, – я быстро соглашаюсь на того, у которого флот… – она стала всматриваться в зал, пытаясь найти того, у кого флот. – Соглашаюсь на свадьбу, – и тут Емилия поперхнулась, ее тут же опахалами прикрыли служники. – А вдруг на этом ничего не закончится? И эта жуманжи вообще без цели. Типа попал, и все – живи, как знаешь… О Боже! Я соглашусь на старика, и жить с ним придется тоже мне. И жить, и рожать, и слюни подтирать…

В горле зарождался стон отчаяния, грудь сдавило, Емилия была готова вот-вот впасть в панику: бегать и истошно кричать с пеной у рта, размахивая руками. Такого зрелища королевство Золуславии еще не видывало!

Увидев бледность, синеватость, зеленоватость и пурпур на

щеках подопечной, четыре фрейлины подбежали и стали обмахивать ее руками:

– Принцесса! Принцесса! Вам стоит только выбрать одного, – говорила с родимым пятном, указывая куда-то вниз.

– Назовите лишь имя, – дула в лицо та, что с бровями Фриды.

– Просто покажите пальчиком, и войны не будет, – увещевала третья, беря Емилию за кисть и настраивая палец, словно дуло пистолета, как раз в направлении четырех фигур.

Емилия глянула вниз, где располагались принцы, и ахнула: страшнее и ужаснее этих четверых и представить себе было сложно.

Ни на одного без слез не взглянешь: один – вылитый неандерталец, хоть и увешанный золотыми цепями, второй явно дегенерат, третий больше походил на девицу, чем на мужчину, четвертый, видимо, Антуан с флотом… – Емилия отвернулась, находя только неприличные описания для последнего претендента.

Вот и в реальной жизни у нее так, – ну никак не угодить. Теперь она понимала, что ситуация с выбором пары не одноразовая, а тянется из глубины веков, где, если верить регрессивному гипнозу, она действительно когда-то была принцессой, чрезмерно капризной, выбравшей вместо следования долгу идеал.

А все же что-то да останавливало, отворачивало, удерживало сказать «да» одному из этих соискателей. И она уже как

будто бы настроилась кивнуть на того, что с флотом, чтоб прекратить этот ужасный сон, как заметила, что позади него стоит… стоит Миша.

Ну не совсем Миша, а молодой человек с длинными кудрями, разодетый, как актер из серий про Великолепный век или еще какой-то Санты-Барбары, но с лицом Миши. Он, как и другие сотни людей, скучающе ожидал вердикта по вопросу будущего своей родины, решавшемуся в трясущихся пальцах и глазах, полных страха, своей принцессы.

– За него пойду! – воскликнула Емилия и четко показала на Мишу.

– Принцесса, но это сын вельможи. Он, конечно, хорош собой и невероятно богат, но не принц.

– Он не принц, – повторила про себя Емилия, прозревая на счет того, где собака зарыта с вечными поисками идеального принца. – Вот где все началось, – и Емилия сжала пальцы в кулак и твердо ударила по ручке трона.

– Я пойду за него. И точка!

Четыре компаньонки принцессы быстро отбежали на безопасное расстояние от разбушевавшейся принцессы и недоуменно переглядывались, что же делать?

– Вы что глухие? – вошла в роль и в раж принцесса Емилия из королевства Золуславии. – Объявите всем мое решение! И пусть готовятся к свадьбе и к войне, если надо!

– С другой стороны семья Михатуана самая богатая и влиятельная…

– Пусть он не принц, но наследник…

– Это как принц…

– И смуты не будет… ведь их семья у власти народа…

– Да войной побоятся пойти на фамилию Бровудуа… у них родня по всему Средиземному Поволжью…

– Ох, не глупа принцесса… ох, не глупа…

– И выбрала самого раскрасавца королевства…

– Холостяка… – заболтали балаболки.

Емилия вся сжалась в ожидании развязки, и когда зал зашумел, как пчелиный улей, всяческими возгласами, в основном злыми выкриками из первого ряда, решила испробовать еще пару способов просыпания и покидания волшебного сна, пока ее не заключили в кандалы и не бросили в темницу, как мошенницу и хулиганку.

Из детства вспомнились волшебные слова: «абракадабра», «чуфало-пуфало», «брысь» и «аминь», и, на всякий случай, она стала щипать себя за руки, ноги, которые чувствовали щипки, а это значит, происходящее все же было реально. Но так как других вариантов все равно не имелось, она назвала все волшебные слова разом и ущипнула себя так больно, что сама же взвыла. Удивительно, но кажется, приемчик сработал, потому что в этот самый момент рядом появился

Миша с кудрями, припал к ее руке, а когда поднял свое светлое лучезарное лицо, сказал:

– Восемь, девять, ноль, три, девять, девять, девять, восемь, один, шесть, четыре…

– Четыре, – повторила за Мишей Емилия и резко отпрянула, потому что вместо лица принца вдруг показалось странноватое лицо Виктора Борисовича, на пол-лица которого багровело родимое пятно. Взволнованные сросшиеся брови образовали настоящий вулкан страстей на переносице, бородавка и родинки подрагивали, глаз горел.

– Девушка, девушка! Девушка! Очнитесь! – все повторял он, и сам походил на сумасшедшего.

– Вы озверели!? – наконец ответила ему Емилия, придя в себя, ощупывая руками кушетку, свою уцелевшую задницу и боль от щипка. Точно будет синяк! – Вы меня чуть не… чуть не… – не зная, какое определение подобрать к преднамеренному убийству своей персоны, проговорила Емилия, – чуть не порешили своим гипнозом! Вы видели? Вы вообще видели, куда вы меня… запулили? – стала она махать руками, чувствуя, как те трясутся от пережитого страха.

Виктор Борисович тяжело вздохнул, улыбнулся, вытер испарину со лба и зачем-то обнял ее трясущуюся, видно тоже не на шутку труханул со своими гипнозами.

– Я ведь предупреждал об играх разума, а у вас, милочка, фрустрация на идеальных отношениях. Везде принцы мерещатся.

Емилия, хоть и радостная в душе от возвращения домой, в эпоху Водолея, да еще и с нужным телефоном в голове (она тихонечко повторила цифры про себя), но все же злая на игры разума Виктора Борисовича, использовавшего ее как подопытную крысу, да еще и в выходной день, проговорила, хватая свои вещи и оставляя на столе нужную сумму за проведенный сеанс:

– Вы со своими фрустрациями доиграетесь до… прокуратуры или психушки, – и пошла к двери.

– Так это не я! – приложил руки к груди искренне удивленный гипнотизер. – Это вы свихнулись на принцах, и сколько я вас ни звал, решили отправиться в уголки дальнего сознания, куда обычно никто и не доходит, чтоб узнать правду, почему все у вас не как у нормальных людей.

Емилия прикусила губу, это была правда, она помнила этот момент, когда вдруг душа позвала ее куда-то за ответами. И осознав, что произошла форменная случайность, на которую Емилия наступила в очередной раз, как на грабли, девушка быстро достала ручку, оторвала листок из тетради Виктора Борисовича и записала запомнившийся телефон, чтоб если на нее наедет трамвай или упадет самолет или случится помутнение рассудка и отшибет память, телефон был надежно записан на листочке, который она положила в

бумажник. Но этого показалось мало. Она вырвала еще три листка и на них нацарапала известный номер, рассовав по пальто и в сумочку на случай, если украдут кошелек.

– Если что, я тоже его помню, – догадался о значении сей операции Виктор Борисович.

– Простите, – сказала успокоившаяся Емилия, – эти регрес.. эти путешествия в уголки души.., в общем, они очень эмоциональны. Спасибо за все! Вы мне очень помогли! Теперь я знаю, куда обращаться, если вдруг что-то опять потеряю.

Виктор Борисович улыбнулся и был невероятно счастлив и получке, и удавшемуся эксперименту, и тому, что помог девушке. И как только пациентка вышла, тут же побежал записывать материалы эксперимента в свои тетради, по которым в будущем планировал написать бестселлер в области непознанного сознания.

Емилия же побежала домой. На дворе уже давно стоял вечер пятнадцатого февраля, родители, наверное, волновались, куда она пропала. Да и надо было позвонить Мише, и лучше всего из дома, чтобы ничего не помешало звонку. А то мало ли, уголки сознания вклинятся в звонок и все испортят. Лучше оказаться в безопасном месте.

Но подходя к своему подъезду, она заметила пугающую странную тень… очень знакомую фигуру с чалмой на голо-

ве и с огромным опахалом, словно топором, в руке, которым,видимо, уголки души решили достать и прибабахнуть ее в этом мире. Ноги стали ватными, а по спине мгновенно заструились ручейки предательского страха, во рту неприятно загорчило.

– Емилия! – воскликнула тень и тут же обратилась в Мишу с шапкой-ушанкой на голове и огромным букетом красных цветов в руке.

– Миша, – выдохнула Емилия и не поверила своим глазам. – Как ты меня нашел?

– Спросил у секретаря клуба знакомств, – удивился Миша. А Золушкина Емилия окончательно прозрела насчет своей женской логики, которой, как известно, не существует. Ведь если Миша являлся случайным летуном на том мероприятии, то она купила билет загодя, аж год назад. Конечно же, ее ФИО, адрес, телефон и приметы узнать не составляло труда. – Ты не рада? Надо было дождаться твоего звонка, да? Я хотел. А потом подумал, что ждать? Решил прийти и сделать сюрприз, – он виновато протянул букет цветов девушке, и хотел ретироваться.

– Постой! – окликнула она его и еле сдержала себя, чтоб не броситься ему на шею. После всех этих путешествий во времени он ей стал таким знакомым и даже близким. – Знаешь, со мною сегодня произошла такая странная история… Поэтому я немного торможу.

– А что случилось? – заволновался Миша, видя, что Еми-

лия и в самом деле какая-то не такая, хоть и улыбается и светится от счастья.

– Если коротко, я сегодня путешествовала во времени, назад в прошлое… очень далеко в прошлое, – начала девушка, не зная, как рассказать про то сумасшествие, что с ней приключилось на кушетке.

– Ух ты, сто процентов ты была раньше принцессой! – воскликнул парень.

Емилия остолбенела и удивленно уставилась на Мишу, который вдруг тоже как-то слегка обомлел, ощущая, как февральский воздух неожиданно стал тягучим, как карамель, и окрасился бирюзовыми тонами, брызнув со всех сторон сладким апельсином с вкраплениями розмарина и аромата роз сквозь солнечные зайчики вечной весны. Вместо снежинок вокруг влюбленных запорхали бабочки, а по серым некрасивым зданиям побежали сильные ветви изумрудных лиан, на которых помахивали хвостиками разноцветные хамелеоны. Где-то далеко затрубил слон…

Миша, будто уже делал это однажды, приблизился к Емилии и поцеловал ее душистые, теплые, принцессовские губы. И хотя влюбленные смотрели только друг на друга и не замечали всех этих метаморфоз, в этот момент произошло маленькое чудо, а может быть, очень даже большое! Одинокие сердца обрели счастье, и где-то исчезла угроза исчезновения целого королевства.

И все это совершил обыкновенный человеческий поце-

луй, закрепленный настоящей любовью, которой были не страшны никакие преграды.

Конец.